

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

УДК 811.11

Т.В.Васильева

РЕЧЬ ГЕРОЕВ В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»

Гуманитарный институт НовГУ

Dialogs between Raskolnikov and Porfiri Petrovitch are very important moment for adequate understanding of the novel «Crime and Punishment» by F.M.Dostoyevsky. The preferences of German translators set up on the basis of text part analysis, reflecting their reaction on each other. As a result German translators define the settings for each situation.

Русский язык для многих иностранцев — это прежде всего язык «золотого века» русской литературы, язык таких великих русских писателей, как Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, А.П.Чехов и др. Западный мир часто знакомился (и продолжает знакомиться) с русской культурой, в том числе и языковой, исключительно по произведениям выдающихся мастеров слова. Особенно востребованным и созвучным западному человеку в этом плане оказалось творчество Ф.М.Достоевского. Среди самых читаемых и востребованных в мире — роман «Преступление и наказание». Его активно переводят и тиражируют, в том числе и в Германии. Среди оригинальных немецких переводов особо выделяются работы Г.Мозера и Г.Рёля. При анализе их различий остановимся на интерпретации речевых действий Порфирия Петровича и Раскольникова.

Существенным моментом романа является изображение судебно-следственной психологии, «палки о двух концах» [1], допускающей принятие с одинаковой вероятностью взаимоисключающих решений. Диалоги в романах Достоевского — основное действие и в то же время основное средство представления персонажей, идей, поступков. Три диалога Порфирия с Раскольниковым дают нам возможность прочувствовать эту психологию — это не допросы «по форме», а своеобразная «игра» Раскольникова с Порфирием с Раскольниковым.

Первый диалог — при первой встрече, во время которой обсуждается статья Раскольникова, и, собственно говоря, никакого иного сюжетного движения здесь более нет. Второй диалог (часть 4, главы 5-6) более сложен, но и здесь герои полностью «не разыгрывают свои партии», не объясняются пространно, а говорят только намеками, недомолвками. Порфирий настроен «приятельски», он не похож на следователя, подозревающего убийцу. Тем не менее своими насмешками он все же пытается вынудить Раскольникова проговориться. Раскольников в свою очередь из всех сил старается точно разыграть роль, не вызвать подозрений у следователя, не проговориться. Он убежден, что Порфирий его *чувствует* и знает, «с *первого взгляда, верно схватив и проникнув его*». Автор отмечает странность тона их разговоров: между ними

«произошли такие слова и жесты, обменялись они такими взглядами, сказано было кой-что таким голосом», «доходило до таких пределов...». Один лишь раз за все время второго визита к Порфирию Петровичу Раскольников на мгновение нарушил *«все тайны и недомолвки»*, однако до последнего момента этого диалога между ними не было сказано *«ничего точного и окончательного»*. Только в третьем диалоге происходит окончательное, прямое объяснение между героями.

Сравнивая немецкие переводы Г.Мозера и Г.Рёля, мы определяем, насколько каждому переводчику удалось передать немецким читателям своеобразие «игры» между Порфирием и Раскольниковым. Не приводя полностью весь текст второго диалога (более 20 страниц текста!), сосредоточим внимание только на отражении наиболее характерных для авторского стиля деталей.

В оригинале Раскольников принимает смех Порфирия *«с ненавистью»*, она наполняет его изнутри, а не только служит маской защиты или провокации следователя. *«Неосторожность была, впрочем, явная с обеих сторон: выходило, что Порфирий Петрович как будто смеется в глаза над своим гостем, принимающим этот смех с ненавистью, и очень мало конфузится от этого обстоятельства. Последнее было очень знаменательно для Раскольникова»*. В переводе Мозера неосторожность — только со стороны Раскольникова. «...Seine Unvorsichtigkeit (Раскольникова. — Т.В.) ging aus zwei Umständen hervor: Erstens dadurch, dass er, als Porphyrius Petrowitsch seinem Besuch in das Gesicht lachte, dieses Lachen voll Ärger aufnahm und hiervon sehr wenig in Verwirrung gebracht habe; dann aber war dieses Lachen für Raskolnikow bedeutungsvoll...» — «Его неосторожность происходила из двух обстоятельств: во-первых, что он, когда Порфирий Петрович смеялся своему посетителю в глаза, принял этот смех с ненавистью и, видимо, этим очень мало смущался; к тому же этот смех был значителен для Раскольникова» (здесь и далее перевод наш. — Т.В.) [2]. На наш взгляд, недостатком перевода этого отрывка Мозера является опущение метатекстового слова «впрочем», свойственного авторскому стилю Ф.М.Достоевского. Рёль же в этом случае дей-

ствуется по-другому: он описывает состояние Раскольникова со стороны, как бы глазами стороннего зрителя: «mit haßerfüllter Miene» — «со злобной миной» [3], что указывает и на его притворство в ответ на притворство Порфирия.

Важны для понимания отношений Раскольникова со следователем те моменты, когда автор показывает реакцию героя на провоцирующие замечания Порфирия. Рассмотрим, как переводчики передают вводные предложения и вставки, которые поясняют читателю, какие именно «словечки» Порфирия пугают и настораживают героя: «...эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают... Об этом вы, батюшка, с совершенною справедливостью и остроумием сейчас заметить изволили. (Раскольников не замечал ничего подобного)». Большую роль при переводе играет авторская пунктуация. Мозер не сохраняет ее и этим снижает читательское впечатление важности лживых и двусмысленных провокаций Порфирия. Фразы Порфирия в переводе отличаются меньшим количеством повторов и снижением интонационной окрашенности предложений, преобладание повествовательных конструкций, отсутствие многоточий, оборванных фраз, тогда как в оригинале Порфирий «сыплет» бессмысленные фразы, сбивается, прерывает свою речь, пытаясь запутать и измучить Раскольникова догадками и страхами. Рёль же действует на этом текстовом пространстве в строгом соответствии с авторской идеей, и в частности — адекватно передает пунктуационное оформление отрывка.

Сравним, как переводчики передают повторы: «эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают...». Мозер находит удачное решение для отражения авторского повтора однокоренных слов: «die Fragen» — «вопросы», «der Fragende» — «спрашивающий», «der Befragte» — «спрашиваемый». Рёль использует слова с разными корнями: «допросы», «допрашиваемый» — «die Verhöre», «допросчик» — «der Inquirent», «der Inquisit», подчеркивая инквизиторский, провокационный характер речи следователя, а не «игру слов».

Обратимся к другому случаю вставной конструкции: «...(отчего тот так и вздрогнул и мигом приготвился)... <...> Вы смеетесь? (Раскольников и не думал смеяться: он сидел стиснув зубы, не спуская своего воспаленного взгляда с глаз Порфирия Петровича)». Мозер передает слова автора, комментирующие реакции Раскольникова, но не выделяет их специально для читателя: «...wovor dieser erschrak und sich auf alles gefasst machte... «...Ihr lacht?» Raskolnikow dachte nicht daran, zu lachen; er saß, die Lippen aufeinander gepresst, und ohne den glühenden Blick von dem Auge des Porphyrius Petrowitsch zu wenden». Рёль следует авторским знакам в тексте: вставки, раскрывающие психологию героев, оставлены у него в скобках.

Однако нельзя сказать, что перевод Рёля более адекватен, чем перевод Мозера. Проанализируем следующий отрывок.

Манера речи Порфирия Петровича характеризуется предложениями с прерывистыми перемежающимися вставками, произносимыми с целью подраз-

нить Раскольникова: «За границу поляк убежит, а не он, тем паче, что я слежу, да и меры принял. В глубину отечества убежит, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе!» В переводе Мозера эмоциональность речи Порфирия сглажена, но представлен свободный стиль его речи с разговорными словечками и сложным построением фраз: «глубина отечества», «мужички ... настоящие, посконные, русские». У Мозера находим: «Einöden unseres Vaterlandes» — «глухие, отдаленные места нашей родины»; «Bauern, echte Hanfbauern, Russen». Сравним более нейтральный стиль в переводе Рёля: «im Inland nach einem Dorf oder sonst einem kleinen Nest» — «внутри страны в деревню или еще какое маленькое местечко»; «Bauern, die richtigen, dummen russischen Bauern» — «крестьяне, настоящие, глупые русские крестьяне». В переводе Рёля стилистическое своеобразие речи Порфирия, его «болтовня» со «словечками», откровенное подражание теряются, речь Порфирия становится более гладкой, все недосказанности разъясняются читателю прямо в тексте.

Каждый переводчик по-своему передает экспрессивность мыслей Раскольникова, вставляя нехарактерные для него слова: Мозер — «Mein Lieber» — «милый мой», а Рёль — «Brüderchen» — «братец», тогда как в оригинале они свойственны скорее речи Порфирия. Мозер путает при переводе слова «острог» — «Gefängnis» и «остров» — «Insel». Получается, что интеллигентный человек предпочтет необитаемый остров, нежели общество людей, непохожих на него. Тогда выходит, что Раскольников якобы стремился избегать человеческого общества, хотя на самом деле его постоянно против воли влечет к людям.

В оригинале главный герой признает, что Порфирий почти всю игру показал, а было бы у него что больше, и то бы показал, часто пугал и провоцировал, не выговариваясь до конца. «— Да то же, батюшка, Родион Романович, что я не такие еще ваши подвиги знаю; обо всем известен-с!». Мозер здесь представляет Порфирия более откровенным, смягчает его выпады: «Nun, dies, mein Lieber, Rodion Romanowitsch, dass ich nichts über Eure Heldentaten weiß. Ich bin erst jetzt über alles benachrichtigt» — «А то, милый мой, Родион Романович, что я ничего не знаю о ваших подвигах. Я только сейчас был оповещен обо всем». Рёль же и здесь более буквален, он представляет нам Порфирия таким, каким его дает автор, т. е. практически дословно переводит фразу Порфирия.

Необходимо подчеркнуть и такое отличие: у Мозера характер Порфирия не выдержан до конца, иногда он даже позволяет себе такую вольность, как дописывать некоторые реплики за Порфирия. Например, он подробнее, чем в оригинале, объясняет слова Порфирия о Николае; он приписывает Раскольникову (когда тот, пытаясь ободриться после происшедшего, обращается к Порфирию: «Не свои слова говоришь!») более подробную характеристику: «du sprichst Worte, von denen dein Verstand nichts weiß!» — «Ты говоришь слова, о которых твой рассудок ничего не знает».

Анализируя третий, ключевой в указанном «игровом» аспекте диалог, нельзя не отметить, что оба героя «видят» друг друга насквозь и угадывают состояние и мысли собеседника, не выражая свои догадки вслух. Только один раз Порфирий нарушил это обоюдное умолчание: в ответ на слова Раскольникова «...не могу дольше переносить...» он начинает провоцировать его: «— Чего-с? Неизвестности-то? — перебил Порфирий. <...> ...теперь он прямо приказывал, строго, нахмутив брови и как будто разом нарушая все тайны и двусмысленности». Как поступают в данном случае немецкие переводчики?

Мозер использует более грубый и язвительный вариант: «“...ich dies nicht länger zu ertragen vermag!“ „Was? Unerträglich?“ unterbrach ihn Porphyrius. <...> ...jetzt befahl er, streng, die Brauen zusammenziehend, als werfe er mit einemmal alle Geheimnisse und Zweideutigkeiten bei Seite» — «я не могу дольше переносить!» «Как? Невыносимо?» прервал его Порфирий. <...> теперь он приказывал, строго, нахмутив брови, как если бы разом отбросил в сторону все тайны и двусмысленности».

А вот перевод Рёля: «...ich das nicht länger ertragen kann!..» «Was können Sie nicht ertragen? Die Ungewissheit?» unterbrach ihn Porfiri. <...> ...jetzt befahl er geradezu, in strengem Ton, mit zusammengezogenen Brauen; es war, als würfe er mit einem Mal alles Versteckspiel und alle Zweideutigkeit beiseite» — «я не могу больше переносить!» «Чего вы не можете вынести? Неизвестности?» — прервал его Порфирий. <...> ...теперь он уже приказывал, строгим тоном, нахмутив брови; как бы отбрасывая разом в сторону все прятки и двусмысленности». Отметим здесь попутно не свойственное, в общем-то, для Рёля отступление от оформления оригинала и, напротив, строгое ему следование у Мозера: у него слово «приказывал» (как и у автора) выделено.

Итак, несмотря на некоторые отступления, так сказать, «от духа и буквы» оригинала, переводчики все же максимально стараются сохранить содержание великого произведения Ф.М.Достоевского. Существен-

ным, на наш взгляд, достижением проанализированных переводов является творческий подход к своеобразию «игры» Порфирия с Раскольниковым.

Так, Г.Мозера отличает особая тщательность при передаче стилистического своеобразия речи героев и в то же время несколько «вольное» отношение к его оформлению, что иногда несколько «уводит» читателя от основной идейной линии романа. Мозер иногда позволяет себе отступить от оригинального текста, особенно при передаче реакций Раскольникова на словесные провокации Порфирия, а также смягчает характер его выпадов против Раскольникова. В результате немецкий читатель получает упрощенную картину напряженной борьбы между героями, без той психологической глубины, которая свойственна всем романам Достоевского.

Г.Рёль, напротив, стремится к точной передаче и текста, и его графики, что, безусловно, обогащает читательское восприятие романа, поскольку речевые характеристики Порфирия и Раскольникова становятся почти такими, какими их задумывал автор. Рёль, конечно же, в целом более «буквален», но не всегда: порой и он отходит от оригинала, но делает это очень деликатно, сообразно исходным авторским установкам. Так же, как и Мозер, он позволяет себе «некоторые переводческие вольности», но они все же имеют и литературное, и языковое оправдание. Ведь переводчик — это не сухой транслятор, в какой-то мере он становится соавтором иноязычного текста, творчески перерабатывая и преподнося великие произведения мировой литературы своему соотечественнику.

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.; СПб.: Наука, 1972 — 1990. Т.6. Далее все цитаты приводятся по этому изданию.
2. Dostojewski F.M. Schuld und Sühne / Roman a.d. Russ. nach 7. Aufl., übersetzt v. H.Moser. Leipzig: Reclam, 1887. Далее все цитаты приводятся по этому изданию.
3. Dostojewski F.M. Schuld und Sühne / A.d. Russ. übersetzt v. K.Nötzel u. H.Röhl. Leipzig, 1999. Далее все цитаты приводятся по этому изданию.